

Порт-Артур, база Императорского флота России на Тихом океане

Экспансивные интересы Японии распространялись на многое, включая разделённый полуколониальный Китай, Маньчжурию, всю Корею, не говоря уже о других нереализованных фантазиях алчущих имперских стратегов-генералов.

Но именно Порт-Артур в русско-японской войне 1904–1905 годов был ключевым местом — как опорная крепость, как военно-морской форпост. И как место базирования 1-й Тихоокеанской эскадры, обстоятельства для которой не особо изменились к данному моменту и сроку... невзирая на «подсказки из будущего», несмотря на предпринятые усилия экипажей по подготовке кораблей к выходу в море и к бою. К сражению, которое виделось неизбежным и, возможно, роковым.

Контр-адмирал Витгефт Вильгельм Карлович — командующий, так и не избавившийся от приставки «временный» (по крайней мере, мысленно уж точно), полностью осознавал, что встречи с боевыми отрядами Тóго не избежать и возглавить эскадру придётся по-настоящему.

Он по-прежнему не верил в себя как во флотоводца, сомнительно относился к подробнейшим на-

ставлениям и рекомендациям из Санкт-Петербурга... Впрочем, намеревался неукоснительно их выполнить и добиться этого (чуть ли не пошагового) выполнения от подчинённых.

«Вновь подтверждаю... к неуклонному исполнению вывести эскадру из Порт-Артура, следуя на соединение с отрядом Рождественского, по возможности вступив в бой с неприятелем и даже ценой потери кораблей нанести ему решительное поражение.

Возвращение эскадры в Порт-Артур с неминуемой гибелью судов в обстреливаемой гавани, а также интернирование любого корабля, не потерявшего возможности к сопротивлению, ляжет тяжёлой ответственностью перед законом, падёт несмываемым бесчестьем на Андреевский флаг и российский флот.

Содержание настоящей телеграммы сделать известным всем адмиралам и командирам.

Его императорское величество Николай II».

Получив это окончательное и неоднозначное высочайшее понукание, исполняющий обязанности командующего Тихоокеанской эскадры Российского Императорского флота на Тихом океане контр-адмирал Витгефт отдал приказ — коротко и бесповоротно: «...на рассвете».

Вытерпев остаток дня и бессонную ночь, с рассветом, уже немало «исцарапанные» огнём осадных 120-миллиметровых пушек, последние эскадренные корабли стали выходить на рейд. Проглатывая напоследок и вдогонку эдакие «пинки в зад» — залётные японские снаряды, что пробивали утренний туман и наставленную дымовую завесу, шлёпаясь то тут, то там в воду, на удивление всего лишь дважды зацепили концевое «Севастополя». Впрочем, не осо-

бо серьёзно. Уходя, «Севастополь» ещё бил по горе Высокой, поддерживая крепостные пушки, что перемешивали с землёй японские позиции.

Наутро Стесселем был назначен штурм.

Снова сомневаясь: «не сдюжим, совсем будем избиты, потеряем суда в решительном бою, что прочит нам Авелан», Вильгельм Карлович Витгефт только удивлялся оптимизму «штабного издалёка», вменяющего ему действовать «так» вначале и ни в коем случае не «эдак» потом, в то же время оставляя место «здоровой инициативе по своему усмотрению».

«Какое противоречие! А спросят с меня! За всё спросят с меня!» — сетовал контр-адмирал, сдерживая досаду и нервическую зевоту, так как за ночь едва прикорнул на пару часов. И отчаянно проклинал весь Дальний Восток с его желтопузым населением, и обречённый Порт-Артур с его мелководными фарватерами, и японских богов, которые здесь, на своей территории, оказались сильнее всех православных икон и молебнов, и общую бестолковость, по деликатности своей не бранясь громко и вслух, когда сильным течением корабли протащило по собственному минному полю, удивительным образом и будто знаком свыше миловал от происшествий.

И снова брал себя в руки. И снова удивлялся странным точечным подробностям петербургских инструкций:

«Уж не знаю, откуда им там, с берегов Невы видно, но чего только стоит предупреждение о незакрытых люках бронепалубы "Полтавы". Поразительно!»

Поразительно попахивало мистикой! Ради интереса (надо ж, у него ещё и на столь праздные интересы нашлось желание!) сделал запрос командиру «Полтавы» уже в море, когда окружающие Порт-Артур грязно-бурые высоты пропали в дымке.

И извольте — открыт люк! По халатности ли... а скорей обормоты трюмные оставили себе лазейку на случай потопления корабля.

И совершенно обидным и неприятным было дополнительное нравоучительное послание, за подписью самого государя лично Вильгельму Карловичу: «Ни в коем случае в распоряжениях по эскадре и среди офицеров в риторике... не придерживать упаднических настроений. Не помышлять о поражении и интернировании».

Тут же, во строках ниже, подсластил: «Верим в победу, уповаем на ваш талант стратега!»

«Что, признаться, польстило, — вымученно сам себе улыбнулся контр-адмирал, — приятно-с».

А ещё: «Беречь себя и бой вести исключительно из боевой рубки».

«Ну, надо ж! Как дитятю малого опекают!»

За выходом русского флота следили блокадные суда противника — едва бриз погнал утреннее марево, недалече обозначился японский миноносец. Подобно крадущемуся мелкому хищнику он нагло скользнул ближе и, удовлетворившись своим наблюдением, так же быстро удалился, «заверещав» открытой «искрой».

Вскоре на горизонте завились дымы крейсеров — какие-нибудь «Хасидате» и «Мицусима», судя по их однотрубности.

«Конечно, Того уже извещён, какие корабли вышли в море и какой курс нами взят», — опустил и снова поднял бинокль Вильгельм Карлович. Не испытывая по поводу осведомлённости противника никаких эмоций — ни досады, ни тревоги.

Эскадра выстраивалась в походный порядок — кильватерная броненосная колонна во главе с флаг-

манским «Цесаревичем», следом шли «Ретвизан», «Победа», «Пересвет» под флагом младшего флагмана контр-адмирала Ухтомского, затем «Севастополь» и «Полтава».

Крейсера «Аскольд», «Паллада», «Диана» пристроились позади. Кроме «Новика», который забежал вперёд гончим наблюдателем.

Миноносцы, все, какие смогли привести в боеспособное состояние, держались по траверзу «больших дядей», выстроив свою «детскую» кильватерную колонну.

Совет флагманов, собранный контр-адмиралом Витгефтом, состоялся накануне с вечера, продлившись до поздней ночи.

— Довожу, господа, до вас обновлённый план похода со всевозможными... уж простите, со всевозможными «если». В первую очередь, если враг на выходе преградит нам путь равными либо превосходящими силами (в чём у меня нет ни малейшего сомнения), нам предписывается дать решительное сражение, стремясь на соединение с отрядом Рождественского. К сожалению, в изменившихся условиях встреча с Зиновием Петровичем намечена в условленном месте близ острова Квельпарт, что в пятистах милях от нашего нынешнего расположения. В этом же случае стоит рассчитывать на подоспевшие владивостокские крейсера, прошедшие Корейским проливом. Но прежде хочу обрадовать, при очевидности, что данная информация является пока секретом! Господа, Рождественский подойдёт всеми тремя броненосцами!

Среди последовавшего оживившегося офицерского ропота, тем не менее, выделялось мнение, что «эскадрой решено пожертвовать, отправив на нерав-

ный бой, в то время как Рождественский придёт на готовенькое».

— Даже если это так, сие не лишено разумности, — уверенно возразил начальник штаба контр-адмирал Матусевич. — Заглядывать надо за горизонт тактики — в стратегию! Отчаянно сражаясь, мы, быть может, потопим несколько неприятельских кораблей, тем самым ценой собственных потерь облегчим дело для новейших броненосцев Рождественского.

— На «несколько» я не рассчитываю... — заикнулся было Витгефт, но осёкся, вспомнив категорическое царское «не унывать». Вместе с тем тоскливо призадумавшись: «Эх, боюсь, скорей всего побьём, покалечим мы в линии друг дружку с тем или иным невразумительным результатом. Было бы непростибельным легкомыслием допускать, что Того позволит наносить вред своим кораблям до изнеможения — уйдёт паразит в Курэ да в Сасэбо на "лечение". А нам куда? Доползут ли израненные корабли до Владивостока? Эх, если бы Стессель опрокинул врага с Высокой. Можно было бы дать судам ремонт в Артуре».

То, что ремонтировать всяко будет чего, уж сомнений не было. Тут же вспомнил строки из рекомендательных указаний петербургского штаба: «Ввиду возможности потери управления и командования флагманским броненосцем принять дополнительные меры по дублированию командования эскадрой».

Снова не понимал: «Вот что за чертовщина-мистика? Вне сомнения, что Того, как и я, намерен со всей возможностью расстрелять флагманское судно. Но откуда они взяли, что у "Цесаревича" будут перебиты рули с последующей циркуляцией хода? И как вот мне сейчас на совещании младшим флагманам это преподнести? Сочтут, что спятил их адмирал! Не могу же я выдать за спятивших штаб и самого госуда-

ря? Хм... однако зная склонность императора ко всякого рода прорицателям...»

— А на что же нам рассчитывать? — вернул из краткой задумчивости голос Ухтомского.

— В линейном бою огонь рассредоточим согласно строю, от «головного» корабля противника до «концевого», — сдержав вздох, объявил командующий, — при охвате с кормы либо с носа бьём по возможности и сообразности.

Есть несомненное искушение поразить флагманский броненосец Того — «Микасу», поскольку голова она и есть голова. Дай ей хорошенько по мозгам, по хэйхатировским мозгам, так и глядишь — не сдюжит супостат. Невольно будет судить по своему состоянию о неприятностях по всей эскадре. Однако более двум бить по одному не рекомендую, дабы не путаться в собственных всплесках.

— При рассредоточении огня не то что утопить, сильно измолотить бронированный корабль весьма сложно, — заметил Матусевич.

— Броненосцы — да, — согласился Витгефт, — а вот броненосные крейсера Дэвы... вот этих, если подвернутся — подпустить и лупить смертным боем, пока не убежали из-под накрытий! А там дай бог ночь и дело за миноносцами. Для того их всех и берём. Минным силам атаковать подранки ночью, затем немореходным миноноскам отступить в Порт-Артур. Нас же — подранков, — выдавил скрепя сердце адмирал, — будут прикрывать крейсера. Посему бронепалубникам ни под каким видом с более сильным противником в бой не ввязываться, укрываясь за бронированной колонной. Ваши пушки, господа, пригодятся нам в ночных атаках.

И главное! Что бы ни случилось, эскадра поддерживает генеральный курс. При видимой потере

управления «Цесаревича» (вдруг!) командование немедленно принимает младший флагман и переходит на «Пересвет».

Самым большим желанием Витгефта было довести свои корабли до места randevу... любой ценой, где с облегчением передать командование эскадрой (или то, что от неё останется) — либо Рождественскому, либо Дубасову, который должен прибыть туда же с владивостокскими крейсерами.

* * *

Пробило четыре склянки — десять утра.

Отпустив тралящий караван, флагманский корабль, подняв сигнал «Флот извещается, что государь император приказал нам...», лёг на курс, ведущий в сторону Корейского пролива.

День обещал быть солнечным, но ясным ли?

Уже к 11 часам дня с приартурских высот эскадра напоминала о себе только обильным дымным затемнением на горизонте.

В бухте Белый Волк под прикрытием канонерских лодок «Гиляк» и «Отважный» ползали тральные суда, вылавливая японские мины. Бухта не простреливалась с японской стороны, и здесь могли отстояться последние уцелевшие суда Порт-Артура. Сюда же, несмотря на все безнадежности и царские приказы, могли вернуться израненные корабли Тихоокеанской эскадры.

Осторожный и прагматичный Витгефт не исключал такой вероятности.

В Порт-Артуре артиллерийская канонада сменилась где дружным, где захлёбывающимся «ура!», ружейным треском, хлопками самодельных бомбочек!

Людская масса, бегущая, падающая, отступающая и снова бросающаяся вверх, упрямым беспокойным муравейником осаждала занятую японцами гору Высокая.

За непомерно заваленные борта «Цесаревича» прозвали «пузаном». Особенно если смотреть на броненосец со стороны кормы...

Способный выдать более восемнадцати узлов, вожак русской «стаи» умеренно держал десять узлов, подстраиваясь под тихохода «Полтаву» и «наглотававшего» воды «Ретвизана».

Японцы появились не одновременно, но как будто со всех сторон, сжимая дымную погоризонтную петлю.

Два крейсера-«мацусимы», естественно, никуда не делись, маяча на левом траверзе, не прекращая работать телеграфом.

Витгефт не счёл нужным глушить их передачи за бесполезностью сего занятия, мягко отмахнувшись от флаг-офицера:

— Пусть им... не перебивать.

Продолжали снова туда-сюда на разном удалении и направлениях японские миноносцы, которые до этого попытались атаковать тралящий караван и были решительно отогнаны «Новиком».

Теперь же основательно загустело чадом из угольных топок слева впереди и сзади на правой раковине — по-видимому именно оттуда стягивались главные силы Того.

Создавалось неприятное злое впечатление, будто обкладывают со всех сторон.

«Однако... — вглядываясь, накрутив колёсико бинокля на лучшую чёткость, оценивал адмирал, навскидку прикинув, — пока далеко до них... более ста

кабельтовых. Определить, кто и что, будет возможным спустя некоторое время».

Поначалу Вильгельм Карлович суетливо вышагивал на мостике, дабы лично рассмотреть в оптику сгущающуюся угрозу. Но потом, очевидно, устав, уж только принимал доклады, оставаясь на левом крыле, по всему виду снова впав в апатию, игнорируя даже приятные ароматы — кто-то расстарался заказать кофий и сдобу с камбуза, понимая, что скоро будет не до перекуса. А командующий и ухом-носом не повёл, фатально готовый воспринимать исключительно другие запахи — угля, пороха, гари и, наверное (наверняка), ядовитой шимозы.

Командующий, слушая очередные уточнения — откуда, сколько, какими силами и курсами приближается враг, больше оглядывался назад, на вытянувшиеся в колонны корабли своей эскадры, словно ещё раз пытаясь заручиться силой и уверенностью — сдюжим ли, одолеем ли врага?

Ветер дул в северо-восточном направлении, погода всё более становилась ясной, барометр шёл в рост, и дым неожиданно легко уносило вверх, позволяя рассмотреть нагнавшее эскадру госпитальное судно, выделявшееся согласно Гаагской конвенции белым окрасом.

В приватной беседе с капитаном госпитальной «Монголии», коя наверняка не стала откровением для остальных офицеров эскадры, адмирал просил «в случае гибели какого-либо корабля всенепременно бежать на спасение команды, вызволяя из воды! Уж вас-то не посмеют тронуть. Только ради бога ночью светитесь всеми огнями, а то засветят вам басурмане миной самодвижущейся по случайности... с них станется».

Флагманский броненосец вдруг рыскнул на курсе, его словно пьяного повело в сторону от генерального курса.

— Что такое? — вопрос командующего прозвучал тихо, что не укрыло явные недовольные нотки.

Командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Иванов уже орал в амбушюр переговорного устройства, запрашивая причину неуправляемости судна.

Минутами позже, будто лениво призадумавшись, бронированный утюг начал возвращаться на место.

— На «норд-осте», по всей видимости, главный броненосный отряд Того. Пересекают наш курс! — спустя пятнадцать минут доводил свои соображения Матусевич, лишь слегка выдавая волнение в голосе. — Идут не меньше пятнадцати-шестнадцати узлов. Намерения понятны!

«Нетрудно догадаться, — мысленно соглашался адмирал, — сие по британским рецептам, пользуясь большим ходом, насесть на нашу "голову", да ещё и против солнца встать».

— Перестроиться в боевой порядок. Противник слева, — несплаванность эскадры не подразумевала со стороны Витгефта каких-либо сложных манёвров.

«Цесаревич» выбросил флажные сигналы, и считавший приказ «Новик» покинул своё авангардное место, встав между «Аскольдом» и «Палладой». Одновременно миноносцы начали переход на правый борт колонны броненосцев, на время перестроения превратившись в разрозненную суетливую стаю.

— С «Ретвизана» подтверждают, что переборки держат воду, — известил младший флаг-офицер.

— Поднять ход ещё на три узла! Иметь тринадцать!

Бронированная колонна чуть растянута. Ведущий «Цесаревич» кинжальной массой водоизмещения резал море, ни единым вздрогом не реагируя на бьющие в скулу волны, что забрасывали бак брызгами. Самые рьяные из них долетали искращей-